

Рассказы, и...

Борис Шапталов

18+

Борис Шапталов

Рассказы, и...

<https://litres.ru/72007813>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь многогранна. В не много драматического, меньше юморного, и есть немного тайны. Эти грани отражаются в рассказах, некоторые из которых переносятся на бумагу...

Содержание

Сказ об Олеке и Светике

5

Конец ознакомительного фрагмента.

64

Борис Шапталов

Рассказы, и...

Оглавление

Рассказы

Ангелочек

Два офицера

Сказ об Олеке и Светике

Если б Булгаков писал «Мастер и Маргарита» в наше время

Юмор и сатира

Мемуары очевидца

Сюжет для сногшибательного серийного сериала

Сказка о сказке

На Том Свете свои проблемы

Шпион

Эволюция известного сюжета во времени и в пространстве театральной сцены

Ангелочек

То была рядовая советская семья. Советская в том смысле, что родители работали на производстве, и это считалось основным для взрослых людей занятием. Рядовая – потому, что ни муж, ни жена не выделялись из общей массы, не за-

нимая руководящих постов и зарабатывая деньги «по-среднему», а значит, их постоянно не хватало, чтобы содержать семью из четырех человек. Хотя у них были не разорительные дочки, а всего лишь два непритязательных подростка, им также требовалось много одежды и обуви. На старшом она буквально «горела». Штаны постоянно рвались, зимние ботинки и летние туфли едва выдерживали сезон. Летом их гребил футбол, зимой - лазание по стройкам и прочим бугоркам. К тому же Пашка постоянно терял то рукавицы, то шапку, то портфель. И приходилось с руганью, которая мало на него действовала, покупать новые вещи. А еще глава семьи имел две страсти – выпивку и рыбалку, что вкупе со старым «Москвичом», постоянно требующим запчастей, подрывали экономику семьи. В общем, ничего необычного. Многие так жили. «Малокультурно», как выражалась подруга жены Нюра. Но попробуй жить «культурно» в городе на отшибе от больших центров, со старым производством, отчего план выполнялся всегда со скрипом, и отнюдь не обильными заработками у большинства населения. Это на Западе такие районы назывались «депрессивными», а здесь сулили в следующей пятилетке реконструкцию комбината и рост жизненного уровня. И власти обманывать не собирались, просто не дошла до них очередь в огромной стране. И люди терпеливо ждали. Они вообще издавна привыкли к терпению. Так бы семья Шумаковых и дотерпела до обещанного, если не коммунизма, то реального роста доходов, если б Антонина Шу-

макова не столкнулась с проблемой роста культурного уровня. И не потом, а сейчас и сразу.

Но поначалу ничто не предвещало перемен. Родители приходили вечером с работы домой. Мать впрягалась, как все женщины, во вторую рабочую смену на кухне. Глава семейства тоже как все, располагался на диване заслуженно отдыхать, взирая в телевизор. Старший сын как всегда пропал на улице, а младший тоже, но не на улице, а в каком-то кружке. Родителей это устраивало. Мать успевала приготовить ужин, отец насладиться телевизором, после чего шел на балкон звать Пашку. Младший Коля приходил без напоминания. После чего садились кушать. Потом детей загоняли делать уроки (в основном Пашку), а родители садились смотреть телевизор уже вместе. Кино есть кино. Разумеется, бывали и другие расклады, особенно по выходным, но в принципе распорядок и ритм жизни был таков. Однако как-то работница из соседнего цеха, встретив Антонину в заводской столовой, сказала с улыбкой:

- Видела твоего сына. Так он, оказывается, в хоре поет.
- В каком хоре? – удивилась Антонина.
- Неужто не знаешь? Ну ты даешь. В хоре при ДК «Метизник»...

То, что Коля может петь в хоре, несказанно удивило Антонину. Мальчик и чтоб подался в хор? Обычно туда загоняют силой, в порядке общественного поручения, не меньше. И Антонина решила, что и ее Колю заслали туда от шко-

лы, набрать нужное для отчета количество живых душ. Что ж, пусть отработает, попоет, это не на картошку в совхоз ездить. Да и, честно говоря, куда его еще? Уж больно он маленький и тихий. В секцию бокса такого не отдашь – побьют. А чем еще занять? Разве что определить в кружок рисования и лепки. И тут Антонина смекнула. В хоре же девочки! А ее тихоня как раз между ними стоит! Ладно хоть так, а то с его малым ростом и застенчивостью, никто внимание на него не обращает – ни мальчишки, ни девчонки.

Ну и ладно. Парнишка при деле, на том можно было и остановиться. Но Антонину вдруг разобрало любопытство: что это за хор, и как там выглядит Коля? В ином случае она поступила бы как все родители, у которых дети ходят в какие-то секции и кружки. Ходят и ходят. Но у Антонины было слишком мало событий в жизни, чтобы просто принять сообщение знакомой к сведению. А тут экзотика – хор!

Антонина решила не спрашивать сына, понимая, что тому ее внимание не доставит удовольствие, а сходила в ДК и посмотрела расписание хора. Оказалось, скоро предстояло выступление показательного концерта художественной самодеятельности Дворца Культуры. Тогда тем более появился смысл в воскресенье сходить посмотреть.

Она наблюдала, как днем Коля молча и тихо исчез из дома. «Надо же какой скрытный», - покачала головой Антонина, понимая, однако, как поднял бы его на смех Павел, да и отец отнюдь не пришел бы в восторг от такого времяпре-

провождения сына. Потому и она скрыла от мужа истинную причину своей отлучки из дома.

Народ заполнил зал на две трети. Наверное, собрались в основном родные выступающих, кто не стеснялся появления своих детей на сцене. Оно и правильно. Дети всех возрастов вплоть до «женихатого» выступали хорошо: танцевали, показывали акробатические этюды, играли на народных инструментах, читали стихи... Самодеятельность во Дворце и впрямь была поставлена на высоком уровне. «Молодцы», - мысленно похвалила Антонина дирекцию, охотно хлопая выступающим.

В самом конце вынесли легкую конструкцию, напоминающую трибуну на стадионе. Но на них разместились не болельщики, а хор.

Выбежало сразу десятка три детей в белых блузках (девочки) и рубашках (мальчики), встали на «трибуну», выстроившись в четыре шеренги – один ряд над другим. Следом вышла худенькая молодая женщина в строгом черном жакете, но опять же белой блузке, слегка поклонилась залу, повернулась к хору и подняла правую руку. Дети тут же приосмирили, устремив взоры на нее и ее руку.

Рядом сидели две почтенные нарядные дамы, и Антонина услышала их шушуканье:

- Вот моя в третьем ряду... Да-да, светленькая. Моя...

Антонина поискала глазами сына. Его не было видно. «Неужто ни в один из рядов не попал?», - подумала она. Но

не испытала разочарования. Ей, в общем-то, было все равно. Детишки на сцене не производили солидного впечатления. Какой-то цыплячий инкубатор. И хоровик щуплая. В своей черной длинной юбке напоминала пожилую учительницу старых времен.

- А где Коля Шумарин? – спросила вторая дама.

И та, что показывала «свою», ответила:

- Еще не вышел.

Антонине показалось, что она ослышалась. Нет, имя «Коля» она расслышала, но чтобы эти женщины знали ее сына по фамилии... Нет. Явно прозвучала похожая фамилия. А первая дама продолжила горячо шептать:

- Голос как у ангела. И сам словно ангелочек. У меня, когда его слушаю, – комок в горле. Повезло же его матери.

Антонина растерянно поглядела на дам. Это они про кого? Нет, явно не про сына. Смешно было бы представить его ангелом. И тут на сцену вышел Коля. Ее Коля! В зале зааплодировали. Негромко так, типа «знаем-знаем, рады видеть».

Так это про него говорили соседки?

Антонина во все глаза смотрела на сына. Такой же маленький, невзрачный, только теперь одетый в белую до ослепительности рубашку с бабочкой на шее. С бабочкой! С ней он выглядел уже как-то иначе. Не то чтобы солиднее, а... представительнее что ли.

И сразу потухла большая люстра и сцену освещали лишь боковые светильники. Заиграла музыка, хоровик взмахнула

руками и началось пение.

Поначалу Антонину удивил репертуар. Дети исполнили известную песню. Название Антонина не знала, зато припев, наверное, слышали все: «Тики-тики-тики-так. Разлука не беда». И это припев французской песенки хор повторял на разные лады, то низко, то забираясь на верха. И Коля пел задорно, выводя высоким голосом:

«Снова мне уезжать, и чемодан мой в вагоне.

Дай мне обнять и поцеловать на перроне.

Снова мне уезжать на десять дней в край далекий.

Знаю, ты будешь ждать меня из дальней дороги».

После чего дети хором обрушивали:

«Тики-тики-тики-так...».

Антонина посмотрела на сидящих рядом женщин. Те в упоении прихлопывали в ладоши, не удивляясь, что вместо какой-нибудь пионерской песни типа «Взвейтесь кострами» дети поют нечто легкомысленное. Правда, в последнее время власти многое разрешали, но все-таки... Ну, ладно эти соседки... и... хоровик, но Коля-то! Она не узнавала его. Во-первых, она не представляла, что у него такой силы и чистоты голос. Дома он никогда не пел, даже если они распевали песни за праздничным столом. Впрочем, когда после выпитого гости были настолько разогреты, что начинали петь, то детей отправляли в другую комнату, где их ждала сладкое и газировка. Во-вторых... она никогда не видела его таким праздничным. Эта черная бабочка на белоснежной рубашеч-

ке, его веселое, можно даже сказать, счастливое лицо... И голос такой громкий. Хор подпевал, повинуюсь взмахам рук хоровика, но не мог заглушить его. Причем он не орал, как они на посиделках, а именно пел, и его было слышно. Каждое слово... Вот тебе и тики-так...

Дети закончили петь. Зрители хлопали. Антонина ждала, что теперь Коля уйдет, однако он остался стоять также впереди хора. Один, но... но не одинокий. А какой-то уверенный в себе, будто это было его законное место. Будто он не был Колей Шумаковым, а и вправду солистом... серьезным певцом.

Господи, ну куда он полез! Тики-так кто угодно споеет...

Тут хоровик опять взмахнула рукой, и послышалась мелодия совершенно иного тона. И Антонина узнала песню. Слышала по радио. Проникновенная такая песня. «Малиновый звон» называлась.

И Коля подхватил мелодию, и запел негромко, но отчетливо слышное всем в зале:

«Сквозь полудрему и сон
слышен малиновый звон.

Это рассвета гонцы,
в травах звенят бубенцы...»

И хор подхватил:

«Это средь русских равнин,
вспыхнули гроздья рябин.
Это в родимой глуши,

что-то коснулось души».

Музыка устремилась наверх и Коля вслед за ней запел высоко-высоко и хрустально:

«Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле...»

Это было невообразимо. Антонина не верила своим глазам, и ушам тоже. Коля не просто пел. Такого лица она у него никогда не видела. Нет, как-то видела что-то подобное, на картинке. Там ангелочек с крылышками за спиной взирал на Небо. Не пел, но словно готов был запеть. И вот услышала наяву. Не по радио, не через пластинку, а наяву. И это был голос ее сына!

Она сидела пораженная молнией, пригвожденная к стулу и слушала этот божественный тон, облаченные в простые слова:

«Что я в нее с детства влюблен,
как в этот малиновый звон».

Потом зал долго аплодировал. Дети довольные покинули сцену. Ушел и Коля. Концерт на этом закончился. Антонина вышла со всеми в фойе. Часть зрителей ушла, остались те, кто ждал своих отпрысков. Антонина слышала, как они обменивались впечатлениями.

- Я уже который раз слышу «Малиновый звон», и каждый раз не могу сдержать слезу. Хор ангелочков, право, - делилась одна.

И с ней соглашались. А еще услышала лестные слова в

адрес Коли. А когда одна женщина сказала: «Такой маленький, а такой талантливый», то импозантный мужчина с хорошо уложенными посеребренными волосами, какие она видела только в кино у академиков, заявил веско:

- Размер таланта не зависит от размера тела.

Наконец стали выходить дети, и их разбирали взрослые. Антонина обратила внимание насколько хорошо были одеты дети и их мамы. В руках мелькали шубы, меховые шапочки, туфельки менялись на расшитые полусапожки. У выхода она заметила «Волгу», которая солидно приняла мать и дочку.

Уже оделись и ушли почти все, а Коля все не выходил. У Антонины мелькнула мысль уйти, раз она пришла без предупреждения. Но тут же отогнала ее, решив ждать до конца.

Наконец, он вышел. Уже одетый. Значит, раздевался где-то внутри... Антонине бросилась в глаза то, на что раньше не обращалось внимание, - примелькалось: старенькое пальто, короткие рукава и, оставшаяся от старшего брата заячья шапка с потертыми краями.

Увидев мать. Коля остановился. Потом подошел и спросил:

- Ты как здесь..?

- Да вот, решила посмотреть, где ты пропадаешь после школы.

Коля ничего не сказал, а направился к выходу.

В трамвае они ехали молча. Коля смотрел в окно. При-

вычно нахохлившийся, весь какой-то маленький, неприметный... Антонина смотрела на него и не понимала: а на сцене-то кто стоял!?

Дома все было как обычно. Отец с сыном смотрели хоккей по телевизору. Коля ушел делать уроки, Антонине не хотелось ни с кем разговаривать и рассказывать, что она видела.

А что она видела? Антонина не могла и себе внятно объяснить. Увидела какой-то иной мир и совершенно незнакомого ей сына.... И эта музыка, эти стройные голоса детей-ангелочков в белом, тонкими голосами выводящие звуки, которые уже не могли исполнить взрослые своими огрубевшими связками.

Еще вспомнилась, как хоровик взмахивала руками, управляя гармонией звуков.

Антонина долго не могла заснуть. Лежала в темноте и наблюдала за светлыми пятнами на потолке от врывающихся с улицы фар машин.

Так что ей теперь делать с увиденным и услышанным?

И на работе она думала о том же. А в обед сбегала на заводскую кухню, выпросить кило фарша. Мол, день рождения... Повариха, знавшая ее много лет, выдала дефицит.

Вечером, дома, Антонина, нажарила котлет.

Муж привычно потянулся за куском. Антонина резким движением убрала тарелку:

- Не тебе... детям. Ешь отварное мясо. Тебе без разницы. На ужин она разделила котлеты между сыновьями. Самое

трудное было удержаться и не подложить еще одну котлетку Коле. В конце концов, именинником был именно он. Пусть и через три месяца после официального дня рождения...

Коля, как всегда, молча поел и ушел делать уроки. А отец с Пашкой, как всегда, болтали о своем, мужском: футбол-хоккей, рыбалке и прочей ерунде.

Антонина убрала посуду и заглянула в комнату. Коля сидел за книжками. Ей хотелось что-нибудь сказать, но ничего не придумалось. Хотя, нет, спросила:

- В школе все нормально?

И поняла, как глупо это прозвучало, услышав «Да». И она приняла решение...

После работы направилась в ДК «Метизник».

- Ой, как хорошо, что вы пришли, - обрадовалась хоровик.
- Я почти всех родителей видела, только от вашей семьи никого.

- Работаем..., - отвечала привычно Антонина, привыкшая к подобным восклицаниям от школьных учителей.

- Понимаю... Рада, что он у вас самостоятельный. А то родители своих детей боятся отпускать, если им часто приходится возвращаться домой поздно. Не у всех бабушки есть или мамы-домохозяйки. А Коля еще ни одной репетиции не пропустил. Иной раз на улице такой холод, что, думаешь, не придет. И многие дети не приходят, а он всегда!

Антонина сглотнула.

- Он понимает, что какой бы голос ни был, требуется упор-

ный труд.

Хоровик увлеченно говорила о близком ей и каждую свою фразу сопровождала взмахом кисти. Наверное, это уже было профессиональное – выражать свои мысли и эмоции плавными движениями рук.

Антонина слушала и косилась на ее руки. Ну словно лебедь с крылами...

- Единственно чего я боюсь, когда холода наступают, - чтобы он горло не застудил. Ангина и прочие простуды ему категорически противопоказаны. Я ему всегда напоминаю, чтобы он кутал горло и не разговаривал зимой на улице. Вы меня понимаете?

Антонина кивнула.

- И, наверное, вы беспокоитесь, что он запаздывает домой?

Антонина вновь послушно кивнула.

- Это мы с ним учимся после хора игре на пианино. У него, как вы знаете абсолютный слух (Антонина опять, подчинять завораживающему движению кисти, механически кивнула). Поэтому он легко освоил нотную грамоту и играет все лучше и лучше. Играть самому для певца - большое дело. Не зависишь от аккомпаниатора. Тем более что Коля теперь научился подбирать музыку песен на слух. Идеальный ученик! И...

Опять взмах кисти, снизу и в верх...

- И голос от бога!

Антонина на этот раз не стала кивать и напряглась. А в сердце кольнуло...

- Как его слышали, так повелись переманивать. И из музучилища приходили, и из Капеллы. Мол, у нас перспективнее. А Коля неизменно так нахохлится (она показала) и отвечает: «Нет». Твердый и упрямый... Ну вы ж его знаете.

Антонина машинально кивнула. И на этот раз рассердилась на себя: «да что я раскивалась, как болванчик...».

- Но вы не подумайте, что я буду держать его при себе постоянно, - спохватилась хоровик. – Я понимаю, что он не наш уровень. Придет время, я сама отведу его к лучшим педагогам. Но пока и я могу многое ему дать, ведь у меня консерваторское образование. И поймите меня: редко к тебе приходят подлинно талантливые дети. Занимаешься с чем придется. Никому нельзя отказать. Эстетическое воспитание прежде всего. Дети ведь. А тут такое чудо... Вы представляете, он чувствует терцию! Не технически, а именно как созвучие!

Антонина опять кивнула.

- Как можно объяснить детям, что такое терция? Никак в сущности! Ее можно только почувствовать, а исполнить так, как Коля...

И пока хоровик объяснялась про терцию, ее руки вновь заходили крылами и совершили в воздухе несколько плавных движений. А когда произнесла слово «исполнить», голос дрогнул в умилении.

Она плохо понимала чувства хоровика, также раздражали постоянные обращения к ней и еще эти ее непрестанные движения кистями рук, будто та ловила в воздухе бабочку... «На завод бы ее», - подумалось вдруг зло Антонине.

В обед же пошла не в столовую, а заводскую библиотеку.
- Дайте мне книжку, где объясняются музыкальные термины.

Библиотекарь ушла и долго искала среди стеллажей нужную книгу. Но все-таки нашла.

Антонина раскрыла «Толковый словарь» и прочитала: «Терция. 1). Шестидесятая доля секунды...».

Попыталась представить шестидесятую долю секунды. Не смогла. Стала читать дальше.

«2) в музыке – нота, взятая через одну от основной... Является нижним интервалом минорного трезвучия».

Антонина знала, что нота - это один звук. Она попыталась представить звук, взятый через один от основного. И опять не смогла. А Коля это понимал и пел!

Антонина ждала мужа на проходной.

- Получку давай, - сказала она сходу.

- Чего боишься? Не пропью...

- Не знаю, давай – и все, - ответила жена твердо.

- Возьми. Только мне надо на рыбалку, а для этого ку-

пить...

Но Антонина выхватила деньги и ответила с такой резкостью, почти злобой, что Петр оторопел:

- Сначала обеспечить детей, а потом хоть на рыбалку, хоть на кладбище!

Повернулась и пошла к остановке автобуса.

Подобного Петр от нее никогда не слышал. Ругались, конечно. Но чтоб такое сказать... Петр хотел было ответить, но лишь обернулся – не слышал ли кто, а про себя подумал растерянно: «Что это с ней? Сдурела баба».

Коля ждал ее в условленном месте, не зная, зачем мать приказала ему явиться сюда. Антонина выскочила из автобуса и повела его в магазин «Одежда». Требовательно перемерила несколько пальто, выбрала теплое, добротное. Точно так же подобрала новую шапку. Затем вынула из сумки мохеровый шарф и повязала шею сына.

Шарф она купила на базаре у бабульки. Та просила дорого, но видно было, что вязала сама и связано было качественно. И Антонина, не торгуясь, сунула ей деньги.

Старое пальто с шапкой она бросила в мусорный контейнер.

- Носить еще можно, - буркнул Коля.

- Мы не нищие, - ответила Антонина. Сначала сыну, потом мужу, когда тот сказал, что Николай мог бы доносить Пашкино пальто.

Нищие-не нищие, но в бюджете образовалась дыра. И

вспомнилось, как Нюра сказала о ком-то: «Дурак-дураком, а деньги есть». Вот и понимай, где и с кем счастье искать. Однако Антонина все рассчитала. Она уже договорилась с начальником смены, что перейдет из комплектовщиц в бригаду токарей.

Начальник удивился:

- А ты разве токарила?

- С этого и начинала еще девчонкой. В ремесленном, потом в цехе. Мужчин было мало, вот и пришлось освоить. А когда стали платить много, мужики набежали и выперли меня, лишь только я в декрет ушла.

- Понятно. Ладно, попробуй. Может, руки еще помнят....

Антонину и саму беспокоил этот вопрос: «помнят ли ее руки?»

Сам станок она не забыла. Ничего в нем сложного не было. Вставляешь деталь, нажимаешь кнопку пуска и точишь согласно типоразмерам. Вот только, чтобы выточить, требуется изрядный глазомер и точность руки. Поэтому старые токари были очкасты и мало пьющие. Ну а Антонина вообще не пила и глаза сохранила молодые. Так что шансы у нее были.

В бригаде ее встретили, как она и ожидала, смехом и шутками-прибаутками. Но токарей не хватало. Одно дело - хотеть много денег, другое – часами напряженно всматриваться в тонкую стружку металла, следя за рисунком на заготовке. Чуть дрогнешь, и деталь запорота. И вместо денег – дуля. И многие из тех, кто поначалу набежал в токаря, со време-

нем отхлынули, как только появилась возможность зашибать денюгу на работах полегче. Так что Антонина знала, куда и на что шла.

Начала она с легкого. Мастер и сам понимал, что требуется время освоиться. Попервой Антонина запарывала детали и на несложном. Мастер молчал, терпел. Через неделю Антонина уже гнала план без брака. Правда, пришлось задерживаться после работы – набить руку. В ход шли бракованные, приготовленные на переплавку, детали.

- Зараза! – слышалось в пустом гулком цеху время от времени, и на пол летели искромсанные железяки. – Вот зараза – раздавалось через некоторое время опять. Но потом все реже и реже. Через две недели Антонина стала токарить и сложные изделия. Не без брака, но в пределах нормы. А через месяц случилось неожиданное. Антонина стала каждодневно перевыполнять план! И чем дальше, тем больше. Токарям стало не до смеха. Они привыкли к перекурам – по одному-два раза в час, а эта, как вставала за станок столбом утром, так и стояла до обеда. А после него – опять по новой. И попробуй догони ее с таким темпом. Это ломало устоявшийся порядок и грозило расценкам.

Даже ее подруга Нюра встревожилась. Когда на доске показателей соцсоревнования вывели «Шумакова - 140 процентов», она подскочила к ней:

- Тонь, ты офонарела? Мужикам перекурить не даешь...
- Пусть и они не курят, - отвечала Антонина, не отрываясь

от станка. – Мне из-за них что ли прохлаждаться?

- Побьют ведь. Ты им план ломаешь.

- Вон у меня разводной ключ. Посмотрим, кто кого, - отвечала Тоня без тени улыбки.

И Нюра отступила. А мужикам сказала:

- Дайте вы уж ей заработать, и она отвалит – не железная же.

Токари погалдели в курилке, и махнули рукой: пусть себе сапоги с шубой купит и в отпуск уйдет. Они уже знали, когда у нее очередной отпуск.

- А там, глядишь, самосвал собьет, - беззлобно, но с надеждой заключил один из них.

Но Антонина копила не на шубу. Как-то она зашла в музыкальный магазин. В ряд стояли лакированные пианино. Ей особенно понравилось одно из них – светло-коричневое с иностранными буквами, и настолько лаковое, что в нем, как в зеркале, отражалась она сама. Но и цена была – не подступиться. И тут ее взгляд упал на табличку: «Кредит». Она спросила про этот «кредит» у продавщицы. Да, оказалось можно было взять инструмент в рассрочку. Требовались лишь паспорт и справка с места работы о величине зарплаты. И дальше стало ясно, что делать...

А в выходные дни она прокрадывалась на репетиции хора.

Знала, что нельзя отвлекать занимающихся, потому в зале всегда было пусто, и бабушки с мамашами ожидали в холле. Но она нашла лазейку. В зале была комнатенка уборщицы с моющими принадлежностями. А та, в свою очередь, имела дверцу, ведущую на технический этаж: налево в радиорубку, направо – за сцену. Антонина просачивалась за сцену, а оттуда по коридорчику в комнату технички. Затем уже в зал, и, притаившись в уголке, слушала пение... Да и не могла она сидеть в зале открыто, если б даже ей позволили. Не могла, потому что когда ее сыночек начинал петь у нее глаза наполнялись слезами. Особенно нравилась ей «Калина», «Дом восходящего солнца», «О, соле мио» и, конечно, «Аве Мария». Казалось, что потолок выгибался в купол, настолько была сильна стихия детских голосов... Так и сидела в темноте, поджав губы, моргая и промокая глаза платочком, полная счастья. И никакие люди рядом в эти минуты ей были не нужны, ибо пел сынок о ее несбывшемся в жизни. О том, что, думала, уже никогда не сбудется, и жизнь так и пройдет серой будничной полосой. И никому она не рассказывала про Колю, даже своей подруге Нюре. Боялась, чтоб ее радость не сглазили, как это произошло с Петром, когда она хвасталась, что отхватила видного жениха – ласкового, внимательного, а того после ЗАГСа словно подменили... Нет, радость на всех не делится. Она одна, особенно такая, как ее Коленька....

А перед завершением репетиции, она вновь незаметно возвращалась в холл, чтобы сразу уйти. Коля не любил, что-

бы его встречали, и Антонина поняла почему – он долго не мог отойти от музыки и продолжал витать «в облаках». Так что лучше его в этот момент было не трогать. Но перед тем как уйти она прислушивалась к тому, что говорили маманьки. А говорили они об успехах своих чад. И Антонине хватало сил порадоваться за них, но когда слышала типа: «Настя говорила, что Люся с Васей хорошо поют. После Шумакова, конечно», то распрямлялась, и лицо ее говорило: «Понятное дело... А вы что хотели?»

Когда неожиданно привезли пианино, Петр хотел было сказать, что деньги можно было потратить на что-нибудь более нужное. Но смолчал. Куплено было не на его средства...

А жена бегала, хлопотала вокруг инструмента, будто «Жигули» приобрела. Расчистила место, заставив мужа и старшего сына переставить мебель. Потом вынесла три стула, усадила всех. Коля же сел на крутящийся табурет, привезенный грузчиками вместе с пианино. Перед этим она показала мужу большую тетрадь. Раскрыла и ее и приказала:

- Смотри...

Страницы были усеяны черными закорючками.

- Ну и хренотень, - отозвался Петр.

- Ноты! - сообщила жена, будто он не знал, что это такое.

И водрузила тетрадь на откидную приставочку у пианино.

Когда все расселись «согласно купленным билетам», как хохотнул Петр, попросила:

- Сына, сыграй нам по нотам.
- Я знаю песню...
- Все равно, сыграй по тетрадке.

Коля сел, поправил на пюпитре ноты, но прежде чем он начал, мать объявила:

- Музыка Пахмутовой....

Коля заиграл, а Антонина не выдержала и сообщила мужу, будто тот еще не понял:

- По нотам играет...
-

Как-то вечером достала фотоальбом. Большой чернокожий фолиант с сотней, если не больше фотографий, запечатлевших семейную жизнь Шумаковых и их многочисленных родственников.

- Что разглядываешь? – спросил муж.
- Смотрю, чтобы вспомнить, кто у нас в роду мог быть с музыкальным слухом. Вроде таких не было. Если и пели за столом на гулянках, то ревели как медведи в голодную пору.
- Ну уж... нормально мы спевали.
- На твой слух, конечно, нормально... О, вот оно, кажись. И палец Антонины ткнул в пожелтевшую фотографию.
- Бабка наша троюродная.

Петр посмотрел на фото. Рядом с мужчиной в жилетке и пиджаке (по фасону можно было бы сказать «в пинджаке») стояла молодая женщина в длинном платье с кринолином.

- Мне мать рассказывала, что ейный дядя умудрился на дворянке жениться. Сам был телеграфистом, путейцем, а тогда это ценилось. Вот она и влюбилась. Наверняка, на роялях играла. У дворян музыкальное образование было обычным делом.

Петр хмыкнул.

- Ничего себе кисель на мякине... Троюродная, да еще старорежимная.

И пошутил некстати:

- Небось, контра недобитая.

- Осел ты, Петя. Хоть и пролетарий, - ответила Антонина в сердцах.

И захлопнула альбом.

- Но-но, - только и мог что ответить муж. В последнее время он стал жену побиваться. Она изменилась, и не в лучшую сторону. Мало того, что стала зарабатывать больше его, но и во взгляде появилось нечто свинцовое... К примеру, однажды не выдержал, когда Колька задолбал своими гаммами, сказал пару неласковых насчет траты денег на чепуху...

Антонина вдруг бухнула на стол бутылку водки.

- На, жри. Это твоя радость – была, есть и будет ею всегда. А Колю – не трожь. У него своя радость, тебе не понять.

И все же однажды Петр не выдержал и повисил голос на

сына...

- Не смей орать на него! – свистящим шепотом прошипела Антонина.

Петр увидел ее глаза и отпрянул. Впервые он понял выражение «белые глаза». Глаза смерти. Такой ненависти он не видел. «Такая может и по горлу полоснуть, - мелькнула в его сознании. – Совсем с катушек съехала». А жена тут же ушла, хлопнув дверью.

Ночью, уже в постели, Петр все же спросил, глядя в спину отвернувшейся жены:

- И почему же мне нельзя прикрикнуть на Кольку?

И услышал из-за плеча несусветное:

- У него тонкая душевная организация.

- Чего-о?

- Чё слышал.

- Откуда это взяла?

- Умные люди говорят. Все, давай дрыхни, мне завтра рано вставать.

Она и вправду стала вставать на час раньше. И когда Петр просыпался и выходил на кухню, жена уже вовсю варила-парила, готовя семье обед и ужин. Теперь она приходила часа на два позже, заявив, что некоторое время будет работать сверхурочно.

- Неужто денег мало? – спросил он, когда она объявила о своем решении.

- Значит, мало, - буркнула в ответ.

Раньше мастер всегда отдавал сложные, а значит, дорогие задания Прокопенко. Токарь с тридцатилетним стажем по праву слыл лучшим среди токарей завода. Его фотокарточку на Доске почета повесили еще когда он оженился в первый раз. С тех пор и висел молодой. А тут мастер впервые за много лет, чуть поколебавшись, отнес заказ Антонине. В ответ на недоуменный взгляд Прокопенко, пожал плечами и сказал:

- Извини, но надобно срочно...

И Антонина выполнила заказ вовремя. Нет, даже раньше срока, чем приятно удивила мастера. Уж больно заказчик был именитый, из оборонного ведомства, и вернуть заказанное раньше срока было делом чести и похвалы начальства. И токари не выдержали и подступили к ней.

- Как это у тебя получилось? Сложные ведь нормали, а ты недавно токаришь...

Антонина извлекла из воротничка иголку с ниткой, разъяла их и предложила:

- А теперь вденьте нитку обратно в ушко.

Ребята принялись за дело. Когда иголка с ниткой обошла четырех, и все, чертыхаясь, отказались продолжать бесполезное занятие, Антонина взяла назад и, прищурившись, одним движением вдела нитку.

- С мое пошейте-поштопайте трем мужикам, тогда догоните меня в глазомере.

А Петр разрывался между желанием поставить жену на место и понять, что произошло с ней. Когда она стала приходиться с работы поздно, то сделал один возможный по логичности вывод. И стал караулить ее и ее хахалю. Мрачно мысленно не раз выходил к ним навстречу и... сначала его, а потом ее... Но никак не удавалось их застукать. Потом ребята ему разъяснили – пашет она на заводе за двоих. «Ты чего – денег на бирюльки не даешь?», - смеялись они.

Подсмеивались незлобно, но было унижительно такое слышать. Спросил жену. Та ответила: «Кредит за пианино надо отдавать».

- И ради этой погремушки ты надрываешься? – удивился Петр.

- Это мое дело, - отрезала жена. – Ты накормлен? Накормлен. Дети сыты? Сыты. В квартире прибрано? Прибрано? Чего тебе еще?

- Ты чего из меня пентюха делаешь, - разозлился Петр. – Если надо, я и сам могу подсобить. Только объясни, ради чего все это?

Антонина помолчала, а потом сказала:

- В воскресенье пойдем – сам увидишь.

Так Петр впервые в жизни оказался на концерте хора...

Родители сидели и слушали. Коля же пел «Малиновый звон»...

Наверное, можно было бы рассказать о дальнейшей судьбе таланта Коли, и расписать, как его голос звучал в концертных залах мира. Но здесь не об этом, а об Антонине и таланте материнства. И еще о руках хоровика, что так поразили Антонину. Ангелы на Земле не живут одни. Только среди людей, и от них зависит, что будет с ангелами...

Два офицера

Однажды... Слово, которое фиксирует неповторимый момент. «Однажды» может длиться мгновение, а может, несколько недель, но главное то, что оно становится вехой вашей жизни. Когда удачной и радостной, когда горькой и трагичной. Многое происходит «однажды», и наша жизнь зарождается «однажды», и так до самого конца, пока однажды нас не скосит болезнь, сердечный приступ, к примеру, как меня... чуть было. Но обошлось, хотя в тот момент чувственно пахло смертью. Как никогда со времен фронта. В том числе с той памятной бомбардировки, когда исчез Филипченко. По прошествии времени я о нем забыл, и сердеч-

ный приступ, конечно, не о нем напомнил, а о фронтовых госпиталях. В мирное время хорошо лечиться. Родственники навещают с фруктами... Нынешние больные от каши нос воротят, нам же порций постоянно не хватало. А о Филиппенко - это я так, к слову. Только потом все оказалось закольцованным.

Однажды, проездом в Москве, зашел магазин «Военная книга». Я как, наверное, любой фронтовик, любил читать про войну, кривился, когда авторы уходили от правды, упирая на геройство, показывая мудрость нашего командования, воюющего с «превосходящими силами врага». Ох, мне эти «превосходящие силы». Сколько раз мы сталкивались с упорным сопротивлением небольших немецких подразделений, умело засевших в складках местности, и никаким маскированным артогнем их было не запугать. Ну да ладно - о врагах только плохое, о нас только хорошее – это я понимаю. Так всегда было и будет. Тем более о наших тогдашних врагах. Их героизм оказался бессмысленным. Молодые японские летчики-камикадзе добровольно гибли, чтобы Япония не стала великой промышленной державой, не заполонила мир своими товарами, а японский бренд «Сони», не восхищал мир. Для этого они старались не дать победить своих правителей и продолжать жить дальше без демократии. А немецкие парни до самого конца сражались за фюрера, чтобы Германия не стала мирно процветать после войны. Но ведь они этого не знали! Дяди в тылу сказали, что они сража-

ются за правое дело. И те поверили: уж больно все выглядело патриотично. Потому у немецких солдат с боевым духом все было отлично, и нам, красноармейцам, пришлось трудно. Участвуя в допросах пленных, меня сначала возмущала, а потом стала несколько смущать их уверенность в своем «правом деле», их готовность к сопротивлению, невзирая на жертвы.

Ну да ладно, сломили их, разобрались с их идеологией, переубедили немцев в ложности их бывшего патриотизма. Правда, и у нас после войны, в конечном счете, не заладилось. И наша идеология, несмотря на свой повышенный гуманизм, не прошла испытанием временем. Со временем я стал понимать простую, и одновременно сложную вещь – воюют солдаты, а пользуются плодами победы политики. И результат у тех получается разный. Одни – умножают плоды победы, другие – уценивают. Но уж точно не было б никаких плодов, если б мы войну проиграли. Сознание нашей безусловной правоты окупало все, что было. Во всяком случае, в моих глазах. Однако все равно, когда тот или иной автор описывал окопную жизнь, губы порой непроизвольно кривились в презрительной усмешке. Ни один из них не написал о мелочах фронтового быта: как обстирывались, чтоб вшей перебороть (и такое бывало), как питались, как прихватывало порой живот при долгом обстреле. И бежать до «ветра» хочется, и попасть под осколки не улыбалось, а тут поступал приказ идти в атаку, и... всякое бывало. Потом смеялись, конечно, но

смешного в том ничего не было. Чисто физиологическая реакция со спазмами в желудке для мало обстрелянного новобранца. Потом новичок становился солдатом на деле и все налаживалось. Следом приходило пополнение, и мы, старожилы, переглядывались с усмешкой, видя серые лица новичков при обстреле, хотя недавно сами были такие, но - теперь уже имели право поглядывать свысока на других. Выжили, устояли!

Однако как-то мне передали рукопись одного фронтовика с описанием «правды жизни», и она вызвала мое «редакторское» возмущение: к чему об этом писать? Патологоанатом видит то, от чего обычного человека мутит, тогда к чему оное описывать? Так я понял, что «правда жизни» зависит от позиции смотрящего. У муравья она одна, у бога – другая. А значит, никогда не будет истины в последней инстанции.

Так и повелось во фронтовой прозе. Одни напирали: главное – масштаб, другие: главное - детали, а масштаб приложится. Мол, что может быть масштабнее человеческой личности? Им в ответ: не принижайте такие эпические сражения, как Сталинград. Там сплав тысяч личностей, упокоившихся в братских безымянных могилах. Вот именно, думал я про себя (пока не настала «перестройка» и не разрешили думать вслух, невзирая на лица и обстоятельства): одним судьба муравья, другим - троянская известность. И это зависит от «гомеров»: писателей да историков. Как опишут, так и будет.

Один уважаемый автор написал: мол, есть правда факта и

правда явления, и надо обладать проницательным взглядом художника, чтобы отличить одну от другой. Я вчитывался в тексты писателей-фронтовиков, стараясь понять, как решают они эту дилемму, стараясь ответить на вопрос: «А как было на самом деле?»

Отвечаю: все зависит от «угла зрения», а он у всех разный (если не принуждать к единомыслию). С одной стороны, вроде и неплохо - разномыслие, но тогда образуется нечто вроде тупика без ясного ориентира. Тогда народ начинает волноваться. Кричат из толпы: «Скажите, как было?», подразумевая: скажите, как полагается быть, чтоб ничто нас не смущало. И власть, естественно, идет навстречу пожеланиям. А на обочине процесса опять появляются «думающие про себя». И так, кольцо за кольцом, которые складываются в спираль. Только вряд ли в диалектическую...

Однако, какое бы у меня ни было отношение к публикуемому о войне, все равно тянуло читать про нее, потому что книги эти вызывали в мозгу воспоминания, а в душе поднимались чувства, которые в суете жизни не возникали. Какие именно? Ностальгические? Однако ностальгировать по войне могут только те, кто всерьез пороха не нюхал, не видел трупы своих товарищей. Бывало не успеешь познакомиться, а уже хоронишь, потом следующий фронтовой друг появляется, чтобы через несколько недель положить его в общую могилу под березкой... Чему тут ностальгировать? Но жаркое чувство чего-то потерянного, близкого, едва ли не родно-

го все же возникало при чтении. Пока не заканчивался текст и, закрыв книгу, вновь не остывало. Но в глубине души зарубка оставалась. Иногда давал себе зарок не читать, чтоб не критиканствовать и не испытывать щемяще-вредные для больного сердца волнения. Но зарок длился до тех пор, пока не видел что-нибудь интересное про войну, и тогда срывался, как срывается алкоголик при виде бутылки с заветным зельем.

Фамилия Филипченко запомнилась в силу одного случая. Нас расквартировали в доме, сделав из него что-то вроде офицерского общежития. Двухэтажный уютный особнячок в несколько комнат и большой кухней, ставшей нашим «салоном», где постояльцы и гости собирались по вечерам поговорить и выпить, если было что. Правда, рядом, примыкая к нашему дому, пристроился другой дом, где расположилась штабная часть, но вход туда находился на противоположной стороне, и мы штабных почти не видели, а они нас, что вполне устраивало обе разделенные стороны.

Оказаться в таких комфортабельных условиях, понятно, было редкостью. Обычно квартировались по избам, сараям, блиндажам, станционным строениям, в общем, где и как придется. А тут роскошь, которую я не знавал и в мирное время. С завода попал на офицерские курсы и жил в казарме на двадцать человек. Затем в военном городке обитал в комнате на пятерых, что считалось хорошими условиями. Потом фронт... Так что, оказавшись в добротном прибалтийском

доме, я впервые ощутил «барскую жизнь», о которой читал у классиков прошлого века. Особнячок был когда-то дворянской усадьбой, если судить по саду вокруг него и широкому проезду перед домом. Хорошо представлялось, как там останавливались кареты, оттуда выходили степенные господа, сходили грациозные дамы в кринолинах. Гости проходили в дом на предмет светской беседы, музицирования, а может, собирались на бал. Мне, знавшему о старо-помещечьей жизни лишь по книгам, интересно было увидеть быт «феодалов» вживую. Правда, старой мебели в доме осталось мало, а вот каминная печь оказалась в хорошем состоянии. Жалко, не пришлось его топить - стояло «бабье» лето, а так хотелось посидеть при свете очага за чтением или умным разговором.

Впрочем, это не мои слова, а Филипченко. Он вселился в соседнюю комнату и тут же объявил, помаргивая своими маленькими глазками, про возможное дворянское гнездо в эпоху царской империи, камин и кареты перед парадным входом. Я тогда был молодой, классово воспитанный, потому брякнул что-то про слуг, которым приходилось эту печь топить, убирать дом и ждать на козлах, когда господа, наевшись и натанцевавшись, изволят хмельно разъезжаться по домам. Филипченко хохотнул и поддакнул: «Это да. Трудовому народу жилось не сладко». И я почувствовал, что надо мной смеются. Я и сам понял, что зря ввернул про слуг, в конце концов, камин топить - не землю пахать, но высокомерие капитана мне не понравилось. Я и сам к тому времени

был капитаном, правда, свежее испеченным, а потому гордым от новой взятой высоты, а Филипченко, судя по летам, и видавшим виды погонам, сидел в своем чине давненько.

Бывает так. Один сразу тебе нравится, другой, наоборот, вызывает неприятие. Почему – бог весть. Я и кино смотрю по тому же принципу. Есть актеры, которые мне нравятся даже в посредственных фильмах, а другой – я к нему не имею претензий – но почему-то, увидев на экране, думаю: «лучше б взяли на роль другого». И как бы тот ни старался, мне он не нравится и точка. Почему-отчего, повторюсь, не ведомо. Размышлял как-то над этой тайной, но разгадать не смог. Зато с пониманием относился к тем, кто заявлял: «Всё хорошо, но зачем-то взяли играть Д...ну». Или с неудовольствием: «Опять П...а поет». Выходит, не один я такой – кисло-избирательный. Вот и Филипченко мне не понравился.

Может, в нем мне не нравилось некое подчеркиваемое плебейство – «да, я такой!» Всегда шуточки-прибауточки, смешки, повышенная словоохотливость, запанибратство, отсутствие стеснительности.

Правда, спрашивается, причем здесь плебейство, ведь не в дворянской армии я служил? Не скажу четко, почему в совокупности его черты вызывали во мне такое отношение. Хотя, нет, вспомнил. В детстве таким был наш сосед, мясник. Туши животных разделял с шуточками. А мама обронила как-то: «форменный плебей».

А еще Филипченко был в «теле»: грузноват, и ремень на

животе не прилегал, а висел. Даже не покоился, а именно я так бы определил расположение офицерского ремня - висел. Я же с офицерского училища форму носил, как полагается молодым худощавым командирам – спина прямая, талия четко выделенная, плечи расправлены, голова на шее держится прямо, подбородок под 90 градусов к полу, волосы зачесаны назад, лоб открыт. А у этого капитана клок волос нависал над бровью, и сутулился к тому же. Одним словом – финчасть, она и есть финчасть. Похоже, мобилизовали с гражданки с большой бухгалтерской должности, вот он, не пробуя окопов, и выбился в капитаны. Такой, дай срок, майора получит.

«Война подобно воронке затягивает в свой водоворот всех – красивых и рябых, сильных и слабых, умных и глупых...»

Так я написал в первом своем опубликованном рассказе, но редактор вычеркнул «глупых». Мол, не следует принижать тех, кто был призван защищать Родину. Наверное, еще подумал, что не мне судить об уме других. В какой-то степени редактор был прав. Какой мерой мерить ум на войне? Пулеметчику излишек ума, пожалуй, мог помешать. Во время боя умный стал бы еще рассуждать: а если левее залечь, пока не засекли, а может, то, а может, это. А простоватому приказали держать сектор, он и палит, давая возможность своей пехоте ползти вперед, пока фриц не может голову толком поднять.

Война любит простоту. Гамлетизм, утонченность, интел-

лигентность - удел мирного времени. Поясню. У нас многие вкушали пищу, как я про себя говорил, «с шумом»: поглощая щи или чай, издавая хлюпающие и причмокивающие звуки. Я – сын учительницы – терпел, терпел, потом как-то спросил своего приятеля (тоже вскоре погиб), почему он так ест? Тот удивился. Задумался, а поразмышляв, сказал: «Ну-у, у нас в деревне все так едят». – «Почему?» - не унимался я. Он опять подумал-подумал, и ответил так: «С едой у нас в деревне плохо было, ее иной раз разбавляли лебедой-крапивой, а когда прихлебываешь варево, то вкусней становится и сытней». А что, умно придумано! Как говорится: «хоть так, чем никак». В то же время получалось, что со вкусом есть скудную пищу я не умел. Тихо проглатывал, и все. Потом ходил с сосущим чувством голода, но не пойдешь же на кухню добавки просить. Кашевар, может, и даст, но как потом солдатам в глаза смотреть? Так вот Филипченко ел без шума, не по-крестьянски. Знать, оклад и паек у него всегда был достаточен. Правда, и мы с матерью ели «без шума», только мама была не «рабоче-крестьянского происхождения», что ей не раз аукалось. А этот, судя по манерам, был пролетарских «голубых» кровей. Однако где-то набрался этикета за столом. Но только насчет еды, а не по отношению к трапезничающим соседям... Особенно неприятно было, когда к нам приходили женщины. Тут его «веселье» выпирало особенно сильно. Острил, угощался «по-царски», болтал без умолку... Мне же понравилась одна девушка - Лида из штаба полка.

Да не просто понравилась. Что-то почудилось в ней близкое. Что именно? Скажу так: она была первой девушкой, которой захотелось прочитать свои стихи. Но... она была почти женщина по возрасту, то есть года на два старше меня, что оставляло. Опыта общения с женским полом у меня почти не было. Ходил несколько раз под ручку с соседкой по дому, когда школу заканчивал. Началась война – ни ей, ни мне стало не до прогулок. Потом меня мобилизовали, а затем – фронт. В госпитале, правда, с одной медсестрой переглядывались, но дальше «лиричных» разговоров дело не пошло. Несколько раз друг дружке письма написали, но переписка заглохла. Что ж, жизнь продолжалась – к ним других молодых раненых привезли. И ощущение, что я легко заменимый осталось надолго.

Чувство своей вторичности сковывало меня, делало за столом истуканом. Оставалась надежда, что при одном из посещений Лида сама окажет знак внимания мне, выделит как-то... Зато этот Филипченко привязывался к ней, как банный лист. Ему было все равно: интересен он ей, нет ли, хочет вести разговор с ним или нет. Подсаживался и начинал говорить... А она с полуулыбкой слушала его «смешные» байки, переговаривалась с ним, и ей не оставалось времени взглянуть на меня, а я не мог пересилить себя и подсесть рядом.

Я завидовал и прислушивался к разговору. О чем можно говорить с женщиной, чтобы она его слушала? Оказалось, трепи, что хочешь, лишь бы не молчать мучительно, как это

происходило со мной. Помню, Филипченко осоловел от выпитого и стал хвастать своей работой. Мол, думают, что его служба проста, как пять копеек, а на деле все намного сложнее:

- «Мое дело выдавать денежное довольствие комсоставу. С младшим составом все ясно – сами прибегут деньги получать. Со средним как выйдет: когда они идут ко мне, когда я к ним. А со старшим вариант один – я иду к ним. У полковников и генералов полно дел. Они дни, когда «офицерские» придут, не высчитывают, знают – им принесут. Вот и бегаешь в дни выдачи, как бобик. Если начальника в штабе не застал, идешь на КП. А командный пункт черте где. Порой под обстрелом пробираешься. Но погибнуть мне никак нельзя – при мне деньги генерала! Приходится включать мозг на полную. Оцениваешь ход боя. Пошли наши в атаку, значит можно смело идти на КП, - противник по тылам стрелять не будет, а сосредоточится на атакующих. Пробираешься, а генералу некогда – он в стереотрубу глядит. Ладно, ждешь. Через некоторое время чувствую, генерал начинает напрягаться. Война-войной, а сзади деньги! Наконец, оборачивается, роняет: «Давай, где расписаться». Дело сделано, и я до окончания боя вновь бегу назад. А потеряй я деньги, будет расследование. Ладно, если меня ранят, а в ином случае потеря – подсудное дело. А тебя может взрывной волной кинуть, можно в болото провалиться или на мину наскочить, сами знаете, на войне что угодно может случиться. Так и ходишь

под дамокловым мечом. А с виду все просто: получил деньги, отдал, кому положено, заполнил ведомость - ан нет...»

И так далее в таком духе. Неужели он думал, что мы должны им восхититься? Впрочем, рассказ про трудности предназначался не для нас, а для Лиды. Повышал себе цену. Видите ли, с генералами знается! Чуть ли вместе с ними в стереотрубу смотрит.

По ходу дела заглатывал водку и победно стучал стопкой о стол с глупой прибауткой. Лида вежливо улыбалась. А что ей, сержанту, оставалось делать?

Конечно, мои встречи с Лидой не ограничивались посиделками на «даче». Я, как командир разведроты, имел возможность заходить в штаб полка и видеть ее. Однако переговорить свободно не получалось. То она сидела спиной, то была погружена в бумаги. Хотя однажды, заметив меня, улыбнулась приветливо. Я в ответ тоже расплылся, а что сказать не нашелся. Охватила проклятая робость, и никак не мог найти естественные слова для завязки разговора. В голове вертелось что-то вроде: «Привет! Как дела?» А дальше – никак. Хотелось бы посмотреть, как повел бы себя Филиппченко... И все-таки я нашел выход. Подарок! Как только додумался до этого хода, так все сразу упростилось. Женские миниатюрные часики без дела валялись у старшины. Я понимал, как могут попасть подобные вещи к младшему командному составу, и следил, чтобы у меня в роте мародерства не было. Мне крепко запомнился приказ маршала Г.К.

Жукова, где были такие слова: «Мародерством занимаются лица, которые не дорожат честью бойца и честью части...» И помнил лозунг, висевший в учебном классе офицерской школы: «Помни: ты носишь форму самой великой армии в мире. Строго охраняй ее честь!» Но старшина прошел почти всю войну, и кому как ни старшине дорожить честью подразделения. Что он и делал, не допуская разгильдяйства среди солдат. А часы и прочие вещи менялись на базаре за продукты. Так что я с чистой совестью обменял трофейный «пара-беллум» и причитающийся мне в пайке двухмесячный запас водки на часики. Осталось дожидаться, когда Лида выйдет из штаба, и вручить ей подарок. Что и сделал. Сказал: мне без надобности, а ей в самый раз, надеюсь. Понятно, она сначала отказывалась, но тут я, предварительно прокрутив разговор в голове несколько раз, говорил в ответ уверенно, без «заикания». В общем, мило побеседовали. Она поблагодарила и даже чмокнула в щеку. Что еще нужно для почти 24-летнего капитана на первом полусвидании?

Филипченко узнал о подарке. Подошел ко мне хмурый, и сходу заявил:

- Не стоит тебе на штабных девушек заглядываться. Тем более прикипать к одной из них. Завтра ушлют тебя на передовую, тем все и кончится. У них и без тебя ухажеров достаточно.

Меня от такого «отеческого» совета передернуло. Особенно при упоминании «ухажеров».

- Разведку на передовую, а финчасть останется? – съязвил я, вспыхнув. – Но ведь вы, наверное, женаты?

- Женат или нет - касается только меня и отдела кадров. А пока война - любовь не к месту. Если б ты просто флиртовал – пусть, финти на здоровье, дело молодое, но я же вижу, что «поплыл». А это в нашей ситуации ни к чему. Девушкам, конечно, приятно, когда за ними ухаживают, но на этом надо ставить точку. А то еще жениться позовешь, не думая о последствиях. Вдов и так хватает.

Вот такую философию мне «старший товарищ» выдал! Я даже не нашелся что ответить. Вроде все логично – отложить амуры на мирное время. И лишь ночью, ворочаясь в кровати, понял хитрый умысел Филипченко.

Здесь я, на сегодняшний день, молодой, позвякивающий медалями на гимнастерке, в погонах с несколькими звездочками, а увидимся мы на гражданке... Я снова вернусь в прежнее состояние слесаря третьего разряда. А он, как был начальником финчасти, так начальником и останется. И если встретим мы Лиду, то он пригласит ее в ресторан, а я максимум - в кино. Так что только здесь и сейчас я ему соперник, и он с высоты своего жизненного опыта понимает ситуацию. Вот и хочет меня в дураках оставить под видом заботы о чувствах.

Кстати, мы меж офицеров как-то завели разговор про нашу будущую мирную жизнь.

- Вы-то учиться пойдете, инженерами станете, а я перед

войной конюхом был, рассуждал 40-летний Фомин, - в конюхи и вернусь. Не требовать же мне, как бывшему старлею с двумя орденами, начальственную должность. Спросят: «А какое у тебя образование? Шесть классов? А какой профессией владеешь? Конюх? Так что ты, Петрович, от нас хочешь?»

Что и говорить, почти все мы были в таком же, как Петрович, положении. У кого чуть лучше, но по любому, всем нам придется на гражданке начинать с «рядовых». И как скоро мы справимся с привычкой командовать и отвыкнем от офицерского пайка? Я тогда еще не знал значения слова «статус», но, очутившись в дворянском доме, почувствовал кожей, нежась на классово чуждой обширной кровати, что это такое. К хорошему привыкаешь быстро, а вот как долго придется отвыкать?..

Как бы то ни было, наставления Филипченко меня смутили. И впрямь, думал я, как далеко мне зайти? Пожалуй, окажу знаки внимания – и хватит. Дальше – стоп, служба зовет. Наверное, так бы и поступил, если б не Филипченко. Он-то, судя по всему, останавливаться не собирался! Продолжал зазывать Лиду и ее подруг в гости. И опять шутки-прибаутки, песни под гармонь, и так почти каждый вечер! А к ночи выходил их провожать и возвращался не быстро. Правда, к полуночи был дома, как штык, но исчезновения даже на час моему сердцу хватало. Наверняка, в те минуты была аритмия.

Филипченко я определил как «мужчину с уцененной внешностью». Однако он, а не я, гулял с Лидой.

Ревность – штука жестокая. Поначалу и не поймешь, что гложущая тоска, скверное настроение – следствие ревности. И неконтролируемость своего поведения – тоже от ревности. Она становится твоим вышестоящим начальником. Потом вспоминаешь, удивляешься тому огню, что сжигал тебя изнутри. Позже, когда читал про Анну Каренину и Дмитрия Карамазова, вспоминал свое «подлунное» состояние. И удивлялся Каренину, как он держал себя с женой, обходясь без «кухонных» скандалов (а я, пока жил в коммунальной квартире, наслушался). Что значит возраст и опыт! Ну и дворянское воспитание, конечно. А у меня и возраст был желторотый, и опыта с «любовью» никакого. Потому не знал, как вести себя в той ситуации: и с Лидой, и Филипченко. Ведь, по идее, я ему мог фору дать ввиду своей молодости и свежести, а ей - на мою персону внимание обратить. Однако Филипченко переигрывал меня, давя своим положением, а Лида оставалась со мной вежливой и холодной. Лишь один раз что-то такое проскользнуло.

Как-то, озлившись, я тоже пошел провожать гостей, хотя меня и в тот раз не позвали. Выйдя в темноту, все разом разбились по парочкам, я же остался с Лидой и Филипченко. Но тот чуть замедлил ход, прикуривая, и я сразу встал рядом с Лидой. Мы пошли дальше, а Филипченко поплелся сзади. То был мой момент торжества. Увы, не долгий. Надо было о

чем-то говорить со спутницей, а у меня язык присох к гортани. Ничего не придумывалось.

- Скоро осень, - сказала Лида, - холодает.

Я согласительно хмыкнул в ответ, и все. Мелькнула мысль укрыть плечи Лиды, но... я был в гимнастерке. А тут возник Филипченко. С фонариком.

- Ну-ка, молодые люди, давайте-ка я под ноги подсвечу, пока об корягу не споткнулись. Туфли, как погляжу, на вас Лидия Дмитриевна, тонкой кожи. Сапожки надо было с собой принести. Между прочим, есть у меня на примете отличные сапожки... У вас какой размер?

И все: Лида на меня ноль внимания, вся переключилась на соседа справа. Я шел еще некоторое время, словно собачка на привязи к хозяйке. Может, в мирное время и шел бы дальше, но я был капитаном и фронтовиком с двумя ранениями. А еще была у меня обычная мужская гордость. И я отстал... Прислонился к березке и стал смотреть на звездное небо. А звезд в небе было несчитано. «Не для меня...», вспомнил я слова слышанной в госпитале песни. «Не для меня придет весна. Не для меня Дон разольется. И сердце девичье забьется, Не для меня...»

И тут из темноты возникла Лида. Спросила: «Ты возвращаешься?»

Что я мог ответить? Кивнул.

- Спасибо тебе... за все, - вдруг сказала она.

Хотела было уйти. А потом, обернувшись, вдруг добавила:

- Ничего у меня с ним не будет.

И ушла.

Я в сотый раз мерил комнату шагами, когда за полночь пришел Филиппченко. Слышно было, как за стенкой он грузно валится на кровать, готовясь к заслуженному отдыху. И тут я не выдержал. Лопнула некая струна. Стукнув раз в дверь для проформы, ворвался в его комнату. Он был еще в гимнастерке, снимал сапоги, отдуваясь от натуги. То ли хмель не улетучилась, то ли подустал от чего-то другого, но лицо его было красным и потным.

И эта грузная мясистость его фигуры, пот на лбу и щеках, вызвали в моем мозгу мгновенные сальные картины. И я высказал ему все что должно, и что не нужно было говорить. Нет, я не ругался, а заговорил, как какой-нибудь политрук. Но говорил искренне.

Сказал, что Лида ему в дочери годится; что она настолько ниже его по званию, что обязана терпеть его шуточки. И добавил главный, так сказать, аргумент: «Разве других нет женщин, соответствующих вашему возрасту и положению?»

Он в ответ лишь глумливо хмыкнул. Это меня взорвало.

- Вы позорите честь советского офицера! – выпали я.

Во все время тирады он смотрел на меня молча и лишь когда я выкрикнул про «честь офицера», дернулся щекой, и хотел что-то сказать в ответ, но смолчал и... продолжил снимать сапоги. Я выждал немного. Но, увидев, как тот принялся стаскивать через голову гимнастерку, повернулся и вы-

шел.

Не знаю, как долго продолжалась бы эта история и чем кончилось, если бы...

Рано утром вдалеке послышался гул самолетов. Я по фронтовой привычке сразу проснулся, но не встревожился. Мало ли кто куда летит. Но тут распахнулась дверь и на пороге возник Филиппченко.

- Кажется, самолеты по наши души, давай сигай в окно. По лестнице – долго.

Ничего себе заявленьеце! Тертый калач нашелся. Я что-то стал было возражать, а он уже распахнул окно и меня за шиворот едва ли не выталкивает. И сипит в ухо: «Прыгай – внизу кусты». Я опять что-то там стал возражать, а гул уже рядом. Филиппченко почти выбросил меня в окно. И тут раздался первый взрыв. Далее меня не пришлось уговаривать. Дальше работал уже не мозг, а приобретенные инстинкты. Рывок, упал, как только взрывная волна прошла над головой, новый рывок за укрытие от осколков и летящих обломков. Так перебежками – долой из зоны поражения.

После налета стали разбирать остатки дома, искали трупы, вещи... Убитых не оказалось, только легкораненые. А Филиппченко исчез. Я доложил о его исчезновении после пересчета жильцов (семь офицеров). Подполковник кивнул и отослал меня в часть. Я тотчас убыл. Шутка ли, в одних трусах остался. Так закончилась моя жизнь в дворянской усадьбе. В тот же день приказали выдвигаться в новый район, по-

спокойней, и разместиться в неприметной развалюхе. Позже написал Лиде короткое, дружеское письмо. Даже пошутить попытался, мол, раз теперь между нами не стоит финчасть... Но не получил ответа. Что ж, оно и понятно: с чего мне ей писать? Не 17 лет, чтобы переписываться «просто так», а потом подругам читать им на зависть. И все же я бы не бросил попытки обратить на себя более пристальное внимание Лиды, но вскоре угораздило меня попасть в госпиталь с очередным ранением. Оттуда направили на другой участок фронта. Так сама судьба повернула мою дорогу в сторону от Лиды. «Может, и к лучшему, - думалось мне, - ведь могли (и могут еще!) убить. Прав, «финчасть» - лучше оставить амурь до мирного времени». А когда наступило оно, это мирное время, пару раз показалось, что видел Лиду в толпе. Однажды даже приснилась. Война в снах нередко приходила, вот и Лида сподобилась... Что-то мне говорила, объясняла. Проснулся – не вспомнил.

Эх, пути-дорожки наши... Находим - теряем, обретаем - кидаем, приобретаем – отдаем, отбираем, а оказывается – без надобности, и отбрасываем. Так идем по жизни, не зная толком, что еще могли обрести на ее поворотах, если б туда свернули. Может, как раз то, самое нужное...

Лида растворилась во времени. Как и медсестра, и соседка по дому. Впереди таились другие встречи и новые расставания. Такова жизнь, и зигзаги ее нам не выправить. Остается принимать ее таковой, какая она есть.

Про Филипченко я особо не вспоминал. Похоже, он оказался настолько проворным, что убежал от места бомбежки далеко. И в его финположении ничего предосудительного в том не было. Спас мне жизнь и – что, возвращаться за моей благодарностью? Я предпочитал сказать «спасибо» мысленно, не выслушивая его шуточных нравоучений, типа: «Эх разведка, сладко спишь, долго соображаешь». Так что спасибо вдвойне, что не появился.

Таким был этот Филипченко. Я бы о нем, вероятнее всего, забыл навсегда, будто и не было – в войну с сотнями людей встречаешься. Если б не эта бомбежка и мое счастливое спасение. И потому сразу обратил внимание, увидев знакомую фамилию на обложке книги, тем более даже инициалы совпали – И.И. – Илья Ильич. И название книги впечатляло: «Записки контрразведчика»! Конечно, автор не был моим стародавним знакомцем. И вряд ли после войны заделался писателем. Финчасть с ее бухгалтерией не располагает к творчеству. Тем более, вспоминая его тогдашнюю физиономию, не верил в подобное превращение. Однако перед продавщицей лежала стопка книг со «знакомой» фамилией. И название было столь завлекательным, что девушка-продавец сразу выложила пачку на прилавок, чтоб не нагибаться за очередным экземпляром, а спокойно ждала. Посетители, лишь взглянув на обложку, сразу шли к кассе, чтоб получить вожделенную приманку. «Не стать бы той рыбой, что не в силах устоять перед червячком на крючке», - подумал я, и –

приобрел книгу. В конце концов, мне сутки ехать в поезде, а тут – военный детектив!

Вечером, преодолевая земное притяжение и свой ныне солидный вес, взгромоздясь на верхнюю полку (эх, где моя прежняя офицерская выправка и солдатская сноровка), перед тем, как уснуть по-фронтовому, то есть, настолько, насколько позволят обстоятельства – а значит, до упора, я раскрыл книжку некоего Филипченко. Он и впрямь оказался контрразведчиком и уже в первом рассказе стал живописать, как вычислил агента абвера в военном госпитале. Место медбрата оказалось «золотым». Раненые постоянно прибывали и убывали, а вновь прибывшие охотно делились воспоминаниями, с указанием номеров частей, мест дислокации, фамилий командиров, с описанием числа и характеристик тяжелого оружия, и много чего другого, что мог узнать, разговарив, подготовленный к такой работе шпион. Автор рассказал, как тяжело ему было найти иголку в стоге сена, среди большого, в десятки человек, персонала госпиталя.

Мне вспомнились три моих госпиталя, и я прикинул, что сам болтал, и что мог полезного почерпнуть враг. И, к своему смущению, вынужден был признать, что мог... это самое... шпион... почерпнуть. Мне в голову не могло прийти, что среди медперсонала может затесаться агент врага. Все же свои, мать их!

Ну ладно, убедил товарищ автор. Будем читать дальше. Книга состояла из отдельных рассказов, поэтому я решил

ознакомиться с оглавлением и выбрать рассказы более мне интересные, отложив чтение других на потом. Если, конечно, меня прочитанное заинтересует и это «потом» состоится. Заглянул. И, как пишут начинающие авторы, «словно током ударило». Пронзило меня этим самым «током» капитально. Один из последних рассказов назывался – «Капитан Чижев». А это моя фамилия – Чижев!

Давно у меня так не тряслись руки, не слушались пальцы и не прыгало сердце, пока я, листая страницы, искал нужное мне место в книге. «Не может быть, - говорил я себе. – Чижовых много, в том числе и капитаны среди них найдутся».

Наконец, рассказ был найден, и я стал его читать. Привожу его. Вот что было там написано.

Капитан Чижев

«Подозрение относительно ситуации в 84-м стрелковом корпусе возникло в Управлении после того, как соединение попало в полосу непрерывных неудач. На фронте успехи чередуются с неудачами – это нормально. Но когда благополучный недавно корпус стало лихорадить, все атаки захлебывались в самом начале, а, главное, после того как штаб корпуса, а штабы дивизий по два-три раза попадали под меткую бомбежку, стало ясно – где-то в центре корпуса сидит агент.

Я получил соответствующий приказ с предписанием под видом представителя финчасти армии выехать к месту со-

бытий.

Сама операция по выманиваю агента была разработана быстро, труднее оказалось найти место для размещения штаба. Объехав окрестности, я остановил свой выбор на приятного вида особнячке XIX века, состоящего из двух крыльев буквой «Г». В одном можно было поместить штаб, в другом разместиться самому. Рассказал командиру корпуса. Генерал удивился: «Штаб в хорошо видимом с воздуха доме? Вы же тем подставите его?» Но выслушав мои объяснения, подписал составленные нами распоряжения.

Сам штаб тайно должен был разместиться в другом месте, а в особняке мы сделали приманку в виде радиостанции армейского уровня с парой «виллисов» у входа. Водрузили на крышу антенны, определили сотрудников, которые будут ходить на «работу», и курьеров с текстами шифротелеграмм. Мне же требовалось усиленно распространять слух, что радиостанцию разместили временно и ее скоро перебросят в более малозаметное место.

Но перед кем именно распространять нужные слухи? Остановились на работниках штабов разных уровней и тех офицерах, кто потенциально мог поставлять врагу сведения. Причем старших офицеров из списка подозреваемых исключили. И не из-за чинов. Просто они служили достаточно долго и ничем подозрительным себя не проявили. Другое дело те, кого мобилизовали в разгар войны и к тому же, кто прибыл в распоряжение корпуса сравнительно недавно. Вот они-

то не были проверены временем.

Подозреваемых разместили в соседнем со «штабом» пристрое под моим «крылом». Семь офицеров в шести комнатах, считая просторный чулан-кладовую. Разместились по одному-два человека в комнате. Райские условия по фронтовым понятиям. В этом был момент, который мог насторожить агента, но мне важно было создать обстановку некоей стерильности. Чтоб все были на виду, а в дом ходили нужные мне люди.

Далее надо было избрать стиль поведения. Решил выглядеть непрезентабельно, таким, с которым неохота будет общаться. Но при этом я должен выглядеть интересным источником информации, ведь агенту плевать, как выглядит объект. У него утилитарная задача – добыть необходимые сведения. Поколдовав над «образом», выбрал нужный, выправил соответствующие документы, и с тем явился в облюбованный мною особнячок.

Туда уже заселили офицеров, отобранных по нашим критериям. Еще мне надо было организовать регулярные вечеринки с выпивкой и дополнительным числом гостей, среди которых тоже мог затесаться агент. Увы, у нас не было зацепок, поэтому оставалось расставить сети на как можно большее число лиц «с доступом» в надежде, что приманка работает. Если бы не жесткий лимит времени, мы пошли бы другим путем – стали скрупулезно изучать биографии, сопоставлять факты и прочее. Но уже погибло достаточно мно-

го людей, могли погибнуть и другие, так что вынужденно торопились. Воспользовавшись паузой в боях, мне требовалось присмотреться к как можно большему числу работников, имевших отношение к штабам и службам корпуса. А лучший способ – отдых, расслабляющая вечеринка.

Кстати, выпивка под прикрытием – дело хитрое. Я это к тому, что иной любитель может подумать: вот человеку повезло, и я бы смог. Хотя расклад только внешне прост: собутыльники должны спьяниться, а ты остаться достаточно трезвым, чтобы трезво мыслить. Мне достали коровье масло, я договорился с одной старушкой, имевшей холодный погреб, о хранении. И перед вечерним застольем прокрадывался к ней, чтобы проглотить кусок масла, да еще вкушал что-нибудь пожирнее. Тем связывал алкоголь в желудке, ставя перед ним преграду на его восхождении в мозг. А крепко выпившим при надобности притвориться было не сложно. Однако направить разговор в нужное русло, и сплести сеть на врага, когда у тебя мозг, несмотря на принятые меры, туманится и реакция замедленна, это уже не просто.

Женщины пили немного, а среди мужчин скромничал лишь капитан Чижов. Совсем еще молодой, но оказавшийся годным к войне. Есть такие таланты. В мирное время – обычные граждане, а в особых условиях раскрываются. Реакция оказывается выше средней, а то и очень высокой. Такой в критических ситуациях успевает делать две взаимоисключающие вещи одновременно – быстро рассуждать и быстро

действовать на инстинкте. Этому сложно обучить, если не заложено природой. Вот такие почти пацаны, не только выживали, но и быстро продвигались по службе вместо столь же быстро выбывающих. В свои 23 года, Чижев уже командовал разведротой, ходил на позиции врага брать «языка». В этом он был на своем месте, а вот с женщинами... Тут оставался молокососом. Пишу я так зло потому, что он здорово мешал делать мою работу. Все приглядывался ко мне, анализировал, ревновал. Я боялся, что он по своей упертой трезвости раскусит меня ненароком.

Чижев с натугой глотал водку, стараясь пропускать тосты. Желаящие выпить охотно брали на себя его порции. А передо мной возникала задачка на тему: это нетипичное поведение из-за маминого воспитания (я знал, что он рос без отца) или здесь умысел? На такого бы любой контрразведчик обратил внимание – «не по-нашенски ведет!» Для меня же, пожалуй, свидетельствовало в его пользу: агент не стал бы выделяться в компании.

Если Чижев не стремился угнаться за бывальными мужиками в выпивке с чистой совестью, то я такое поведение одобряю. Слишком много наш народ потребляет, не зная меры. Фашисты потом этим обстоятельством воспользовались, когда наша армия пришла в Германию. Сколько солдат – целыми подразделениями – травились техническим спиртом и другой подобной дрянью. И даже строгие приказы командования с убийственными примерами поначалу плохо помога-

ли. Это – к слову. Вернусь к застолью.

На вечеринку люди идут с определенными целями – кто выпить, кто пообщаться с противоположным полом, а кто послушать, что говорят, и самому задать нужные вопросы. Вот такого – пьяно-трезвого мне надо было засечь. Для того и собрали в этом доме офицеров из разных служб, чтоб заинтересовать агента. И дам пригласили не только ради компании. Женщины работали рядом с военными тайнами. Кажется, ну что особенного может знать телефонистка или медработник? Но это в мирное время совещания с докладами проходят в кабинетах за закрытыми дверями, а на войне из блиндажа отсылают «покурить» лишь солдат и младших офицеров. А женщину в непогоду кто вышлет? И куда она пойдет, даже если невдалеке землянки? Они ведь солдатами набиты. Куда ей в такую гущу? И остается такая в темном углу или за ширмочкой из плащ-палатки. Понятно, что ей с секретами податься некуда. Если, конечно, кто-то ушлый не подсядет к ней и не поведет, как бы между прочим, определенный разговор. И мне, с виду пьяному, нужно будет зафиксировать его интерес.

А пока пошла пристрелочка. На первой же вечеринке мне пришлось отвечать на неприятные вопросы.

- Какой-то странный штаб корпуса, - подивился один из офицеров. - Я всего раз видел генерала, и столько же начальника штаба. На подставу похоже.

- Не подстава, а маскировка, - поправил я. - К тому же ско-

ро снимаемся и двигаемся дальше. Так что штаб пробудет здесь с неделю-другую и толком собраться в целое не успеет. Но комкор, уверен, воспользуется случаем и даст себе удовольствие на перинах пару-тройку ночей поспать.

Машины начальствующего состава и вправду затем время от времени «ночевали» у входа в штаб. А сам я отложил в уме это словечко старшего лейтенанта Блинова – «подстава». Так может сказать агент, который настороже и боится попасться.

- Жалко, я только пустил здесь корни, - отозвался другой жилец.

- Будет вам время на отдых, - успокоил я его.

Особой реакции у присутствующих на разговор не последовало. И вопросов «когда снимаемся», ни другого проявления особого любопытства. Зато я показал себя осведомленным человеком, - это главное. Это позволяло применить старый прием контрразведки: без подозрений выдать людям по одиночке разную информацию и засечь, какая именно «порция» дойдет до противника.

Что же касемо вечеринок, то здорово помогли женщины из тыловых служб. Иначе все выродилось бы в мужские пьянки, а мне, понятно, не хотелось спаивать офицеров. Задание заданием, но подрывать дисциплину не следовало даже ради дела. А так получились милые посиделки с небанальными разговорами. Опять же, не только сами офицеры, но служащие из женщин могли представлять интерес для

агента. Я вел их по своему плану, демонстрируя себя не только всезнайкой, но и недалеким выпивохой, которого можно разговорить. И все бы хорошо, если б не Чижев.

Самым ценным источником возможной информации были некая Лида из отдела связи штаба корпуса. Молодая, симпатичная, она вызвала понятный интерес мужчин, в том числе, как я надеялся, и возможного агента. Но приклеился к ней по-настоящему один Чижев. Он всем своим видом давал понять, что Лида – его. И остальные жильцы отступили, благо были другие кандидатуры на внимание. Означало ли это, что Чижев и есть агент? Нет, конечно. Молодость всему причина. Банально. Все так, если бы не служебное положение Лиды. Но и сама Лида, не делая резких движений, закинула махонький крючок.

И опять тот же вопрос – почему? – привычно задавал я себе задачку. В иное время ответ был бы тоже очевиден. Мол, девушке приятно внимание и т.д. Но сейчас, в такой ситуации, я искал среди обычных человеческих взаимоотношений двойное дно. Что делать: такая работа.

Командир разведроты много знает. Он со многими общается, включая высших офицеров. И посылают его людей в разведку не наобум, а в определенные места, чтобы разведать нужные направления для последующего планирования операций. Но что конкретно может получить агент от Чижева? Вычислить дату и направление главного удара вряд ли получится.

Прикидывал я и другие варианты, в том числе возможность легального перехода самого капитана линии фронта с целью передачи врагу секретных сведений. Кучеряво, конечно, получается, потому сомнительно, хотя с какими только хитрыми ходами ни приходилось сталкиваться. Но наличествовал вариант проще - наш общий сосед капитан Копылов. Работает в штабе дивизии и часто контактирует со штабом корпуса. Отличная точка для агента абвера.

Или Блинов. С виду рубаха-парень, но свое штабное дело знает хорошо. Нареканий нет. Пишет всевозможные приказы, донесения, справки в срок. А их по мере упорядочивания войны становилось все больше. И Блинов справлялся, хотя до войны служил в райсельхозтехнике. Впрочем, там тоже могло хватать документооборота, так что мог успеть руку набить на отчетах.

Другие, при ближайшем рассмотрении, как-то не вписывались в потенциальные агенты, и я их понемногу вычеркивал из списка подозреваемых.

Что же касается Чижова, то мне стало ясно – у парня пришло время влюбленного умиления, когда в девушке видят одни достоинства и игнорируют недостатки. Впрочем, поэт сказал: «И прелести твоей секрет разгадке жизни равносильны...» А если молодой капитан увидел в Лиде нечто большее, чем окружающие? Она и впрямь чем-то выделялась среди других женщин. Чем – я понять сразу не мог. То же обмундирование, что у всех, та же короткая прическа, те же

разговоры... И при этом что-то таилось внутри. Образование? Обычно прячь его не прячь, а оно проступит среди лиц с незаконченным средним, а таковыми были все. Но по анкетам Лида закончила семилетку. И сам Чижов был из... чуть не написал «чистоплюев». Водки чуждался, губы промокал платком, причем чистым и не мятым, кусок на тарелке мог поддеть ножом, а не куском хлеба, женщинам говорил «вы». Но он был боевым офицером, а не штафиркой. Казалось бы, фронт должен был обтесать его, приземлить, однако «гражданское» воспитание сидело в нем крепко. Явно мама постаралась без отца выстругать модель по лелеемому образцу. Я только «за». Вот только потом таким «интеллигентам» в жизни, тем более фронтовой, не сладко приходится. Иные ломаются. А Чижов – нет. Похвально, разумеется. Но и подозрительно для меня. Откуда такая выучка? А то, что поплыл на ниве любви, так любой человек – не железный. Природа свое берет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.